

Мир живет под знаком соревнования и сосуществования двух систем. Это главная, всеопределяющая черта современности. Ее не в силах игнорировать даже реакционные политики Запада, для которых ненавистно само слово «сосуществование»: непрерывно пытаются они рекламировать «достоинства» системы капитализма, яростно нападают на коммунизм и коммунистов. Но суть, существо соревнования двух систем — не в нападках: ведь это — суть «холодной войны». Соревнование — это прежде всего сама жизнь, действительность, которая и говорит ежедневно и ежечасно о том, что будущее принадлежит коммунизму, что капитализм — система, в которой душно, тесно жить человеку, что это не «свободный мир», как говорится в рекламах, а мир отчаяния, безысходности и духовного рабства.

Первомайский праздник — день солидарности всех трудящихся, их интернациональной сплоченности, единства их классовых интересов и целей. Преодолевая границы, горы и океаны, люди знакомятся с жизнью и добротой в других странах.

Что же они видят, сравнивая две мировые системы?

...Вот человек Запада задерживается перед входом в Советский павильон на выставке то ли в Бунос-Айресе, то ли в другой капиталистической столице. Вздвигаясь, он готовится окунуться в мало известный ему, но всегда еще понятный мир — мир социализма.

В вестибюле встречают его две гигантские статуи: мускулистого литейщика и крестьянина. И уже здесь, с первых шагов, гость призадумывается. Он думает о том, как на протяжении веков люди труда преобразили облик земли, благоустроили и украсили ее. Как возвели города, построили заводы и фабрики, порты и мосты. Их руками повсюду созданы удивительные по красоте памятники. Но и египетские пирамиды, и храмы ацтеков в Мексике, и пагоды Камбоджи, и соборы Рима, Флоренции, Вельны возвысились в честь императоров и святых. Ни один из этих памятников не был воздвигнут в честь его безымянных творцов.

Переступив порог выставочного зала, человек Запада узнает, как возвеличили труд никому не ведомого в прошлом строителя страны социализма, как из среды «безымянных творцов» вышли тысячи ученых и инженеров, которые создали лучшие в мире реактивные пассажирские самолеты и атомный реактор, первыми забрались на далекую орбиту спутники Земли и новую искусственную планету.

Достижения социалистических стран в экономике и культуре, сотни тысяч выдающихся деятелей, талантов, вышедших из народа, — вот они весомые доказательства того, что социалистическое общество не только провозгласило свободу труда — основу духовной свободы личности, но и создало все необходимое для самого всестороннего развития человека, для расцвета его способностей.

Свобода труда, свобода личности породили нового человека, столь непохожего на буржуазного пропагандиста. Американская журналистка Мальвина Линдси признает на страницах газеты «Вашингтон пост энд Таймс геральд»: «Многие американцы ломают себе голову над тем, что вызывает неудержимое стремление к культуре, наблюдающееся в социалистических странах. Американцы не понимают, почему советская молодежь столь охотно изучает такие науки, как математика и физика, в то время как многие способные американские студенты избегают их? Почему многие взрослые русские носят с собой на работу книги, читают и изучают их? Почему они так охотно посещают вечера поэзии и художественного чтения? Почему они считают своим высшим идеалом поведения — быть культурными? Почему в Советском Союзе не наблюдается никаких антиинтеллектуальных настроений?»

Мир духовной свободы в странах социализма поставил человеческий ум, его genius на службу народу. Раскрывая тайны природы, наши ученые делают это во имя простого человека, людей труда, чьи безымянные предки возводили храм Василия Блаженного, Великую Китайскую стену, Пирамиды Гизы. Человек труда отдаст свой талант, свое перо и кисть писателя и художника.

ВСЕГО лишь за три недели до Первомайского праздника всего мира привлек к себе Вашингтон. Здесь, на берегах Потомака, собралась представительная безработная Америка. Отсюда услышали мы слова о национальном бедствии Соединенных Штатов, «попоре» и даже «катастрофе», как называли массовую безработицу в стране выступавшие на конференции безработных профсоюзные деятели.

Пять миллионов безработных! Это значит по крайней мере 15 миллионов людей, живущих в трагических условиях. Еще 2,5 миллиона — частично безработных. И еще миллионы, над которыми нависла тень увольнения, ибо в век автоматизации их руки становятся лишними для капиталистического производства.

По ту сторону Атлантического океана весна словно и не начинала своего шествия. Маркс отмечал как-то, что в Соединенных Штатах есть многие миллионы так называемых «белых бедняков», положение которых можно сравнить только с римскими папями во времена крайнего упадка Рима». Столетие прошло с

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ И ДАЖЕ ИЗ ГОРОДА...

ВЫ ВИДЕЛИ музей изобразительных искусств колхоза «Кзыл Узбекистан»? Нет? Побойтесь, очень любопытно.

Эти слова я услышал в Ташкенте из уст горожан.

В колхозе открыт музей изобразительных искусств. В молодом доблестном саду стоит светлое двухэтажное здание. В его семи комнатах размещено более ста двадцати произведений живописи и скульптуры, преподнесенных колхозу художниками Узбекистана: портреты колхозников, выполненные А. Абдуллаевым и Р. Ахмедовым, картины О. Татевосьяна, К. Чапракова, З. Иногамова. В экспозиции много произведений, посвященных современной колхозной жизни. Исторические темы отражены в работах Н. Кашини и Ю. Талдыкина.

...Мы приехали сюда несколько дней назад после долгого зноя, но в музее еще были посетители. Вот несколько молодых парней в комбинезонах, они, по видимому, завернули сюда прямо с работы. Вот учительница с группой детей.

Мир, дружба, свобода, счастье

тех пор, сменялось не одно поколение, но сегодня число «белых бедняков» не только не уменьшилось, а возросло во много крат, ибо отживающий строй стал тормозом для разбуженных им же производительных сил. Недаром американский сенатор Фулбрайт с тревогой заговорил о глубинных процессах в стране. Озабоченный перспективами мирного соревнования социализма с капитализмом, он вспоминает, что богатая и преуспевавшая Римская империя была столь же самодовольна, как нынешние Соединенные Штаты Америки. С внешней стороны все выглядело прочным и сверкающим, полным блеска и поверхностного доска. Однако внутри скрупулы, — беспокоится конгрессмен. — Идет невидимый процесс распада...

Первой нынешнего года приходит в пленение классовых битв, борьбы против гонки вооружений, за улучшение международной атмосферы, запрещение оружия массового уничтожения. С союзником сдружились мы, люди мира социализма, за хлынувшими в стены парламента в Лондоне колоннами, требовавшими работы для сотен тысяч англичан. Мы узнали, как в один из дней апреля тысячи заводских гудков Италии напрасно звали рабочих к станкам и маршам. В этот день бастовал один миллион металлистов. Свобод гудка эфир доносился к нам вести о забастовках во Франции и Бельгии, Колумбии и Мексике, Западной Германии, Пакистане, Чили, Перу, о традиционном «весеннем наступлении» в защиту своих прав рабочих на Японских островах...

Таковы лишь некоторые отличительные приметы весны 1959 года. Там, на Западе, это «весна» развивающегося экономического кризиса, наступления монополий на завоевания трудящихся, нарастания борьбы труда и капитала. Простые люди, создающие все богатства народов, люди, чьиими руками изготовляются спутники Земли и океанские корабли, самолеты и уникальные станки, — эти люди в мире капитализма лишены свободы труда. В расцвете сил они могут оказаться за бортом, им приходится бороться за свои права...

Для нас весна первого года семилетия — это весна осуществляемой мечты. Коммунизм во плоти, осязаемый и близкий, вступает на нашу землю. Темпы в социалистическом мире таковы, что все больше будет выравниваться линия экономического и культурного развития его государств. И чем дальше продвигаются народы наших стран, руководимые и вдохновляемые мудростью коммунистических и рабочих партий, тем гармоничнее становится их интересы, тем реальнее возможность более или менее одновременного перехода к высшей фазе коммунистического общества. Таков закономерный ход истории.

«Солнце, поднимаясь в зенит, проникает своими лучами всюду, — говорит Н. С. Хрущев. — Так и коммунизм, возраст которого начался в Советской стране, теперь поднимается в зенит — Советский Союз и другие социалистические страны уверенно идут по пути строительства социализма и коммунизма. Спадет пелена, и слепые прозреют, увидят, что является белым и что является черным. Все народы убедятся, что есть один путь к прогрессу всего человечества, к лучшей жизни — это путь к коммунизму».

Пройдет два дня, будут сорваны еще два листка календаря и выйдут на праздничные улицы Москвы, на Красную площадь колонны демонстрантов. Волной разольются они и по Невскому, и по Кремлятику, и по проспекту Руставели... по сотням и тысячам советских городов и сел.

И сольются наши шаги с поступью демонстрантов по Аллее Иерусалимской в Варшаве и улице Республики в Будапеште. Радиоволны донесут к нам звуки оркестров на древней площади Тяньаньмэнь в Пекине, слова песен под небом зеленой Тирании, с берегов Дуная, из Сибири и Бухареста. ...Сотни, тысячи километров лежат между нами, но мы идем рядом, плечом к плечу, идем к вершине, имя которой — Коммунизм.

— Здесь побывали почти все наши колхозники, — сообщили мне в музее. — Приезжают сюда из других колхозов и даже из города.

А. ЯКУБОВ
ТАШКЕНТ. (Наш корр.)

НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В КОЛХОЗЕ

В ОДИН из апрельских дней колхозники сельхозкооперативной артели «Скайстальне», Бауского района и представители сельской интеллигенции собрались на первое занятие своего народного университета.

С большим интересом колхозники выслушали первую лекцию — о мировоззрении человека.

В программе первого в республике сельского университета — выступления президента Академии наук Латвийской ССР Я. Пейве. Будут прочтаны также лекции по истории родного края, медицине, биологии и т. д.

Р. ТРОФИМОВ
РИГА. (Наш корр.)

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 30-й
№ 51 (4017)

Вторник, 28 апреля 1959 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Беседы с лауреатами Ленинских премий

Мухтар Ауэзов:

Я СЕЙЧАС очень счастлив. Эти дни — самые яркие дни моей жизни. Часто возвращаюсь мысленно к Абэю — моему любимому герою и уважаемому наставнику. Радуюсь за него, радуюсь, что он, известный читателям собственными стихами, стал им еще ближе, понятнее, роднее благодаря моему скромному труду. Он обрел миллионы друзей, и это самое главное, ибо он всегда стремился к людям, искал друзей, а был окружен врагами, лют, неистово ненавидимыми его. Гениальный одиночка, Абай брел во мраке, прокладывая первую тропу к спасительной русской культуре, к передовой России, единороству с неведомыми и изувачами.

Поэт, в чьих творениях было столько горя, мук, печали, ныне получил признание не только своего народа, но и всех народов его новой необъятной Родины. Сыны и дочери нашей страны считают его своим великим предком.

Естественно поэтому, что мне хочется написать теперь в меру моих сил и возможностей о наших современниках — людях, о которых мечтал Абай и которые ныне появились и полюбили его. Я сейчас прямо-таки одержим нетерпением поскорее приступить к работе над романом о советской действительности, о семилетке.

Я задаясь целью досконально изучить будни Южного Казахстана, области, вступившей в семилетку с грандиозными планами, задачами, делами. Уверен, что эта область с ее чепухой, где будет расти хлопчатник, с ее богато развитым животноводством, перспективной, быстро растущей промышленностью даст мне обширный интересный материал. Очень хочется создать многоплановое произведение, где судьбы целых коллективов, семей, от-

Наша корреспондентка обратилась к лауреатам Ленинских премий М. О. Ауэзову и А. И. Хачатуряну с просьбой рассказать о дальнейших творческих планах.

дельных личностей сплелись бы воедино и звучали бы торжественной песней о нашем времени. Наверно, никого не удивит, что я сейчас о многом мечтаю. Не скрою, самая заветная моя мечта — так нарисовать героев наших дней, чтобы они полюбили читателей, как полюбили герои романа об Абэе. Осуществить эту мечту — цель моей дальнейшей жизни.

Арам Хачатурян:

В ЭТИ РАДОСТНЫЕ для меня дни я вспоминаю о том, как тридцать восемь лет назад еще юной впервые приехал в Москву. Я даже приблизительно не знал, как сложится моя судьба, что буду я делать в этом тогда чужом и новом для меня городе. И сейчас я с особенной благодарностью думаю о людях, которые вывели меня на самостоятельный путь, с чувством глубокой признательности думаю о тех поистине безграничных возможностях, которые предоставлены у нас каждому человеку для развития его способностей.

Присуждение Ленинских премий нашим композиторам — свидетельство внимания, уважения партии и правительства к музыке. И все мы, обращаясь к сочинениям самых различных жанров, должны помнить о нашей единой цели — приобщении широких народных масс к высокохудожественной, многообразной и значительной по мысли музыке.

За время, прошедшее после сочинения «Спартак», мне не раз приходилось воплощать в музыке произведения Шекспира. Всегда любимым мною Шекспир стал мне еще дороже после того, как я побывал в его родном городе Стратфорде. Работа над музыкальной к фильму «Отелло», к спектаклям «Макбет» и «Король Лир» принесла настоящую творческую радость, была столь увлекательна, что меня не покидала мечта о создании монументального произведения на шекспировский сюжет.

Все написанное после «Спартак» так или иначе связано с непосредственными жизненными наблюдениями, поездками, встречами с новыми людьми, всегда вызывающими к жизни новые замыслы. Так, после недавнего посещения городов Сибири и Кузбасса у меня возникла мысль о фортепианной сонате для юношества, посвященной детям великопленной музыкальной школы шахтерского города Прокопьевска.

Как всегда, одной из моих любимейших тем остается моя родина — Армения. О ней думаю я, работая над новым вариантом балета «Гаянэ» для Большого театра; ее вспоминаю я в «Оде радости», впервые прозвучавшей на заключительном концерте декады армянского искусства и литературы в Москве.

Дух великих свершений, озаряющий нашу жизнь, вдохновил меня на создание «Приветственный увертюры», посвященной XXI съезду КПСС. Каждый день, прослушивая нашумевший, рождает новые планы. И что бы я ни сочинил в будущем, твердо знаю одно — мне предстоит неустанная работа, непрерывные искания. Буду стремиться создать произведения, которые оправдают столь драгоценное для каждого художника народное признание.

Да здравствует мировая система социализма — нескрушимый оплот мира и безопасности народов! Пусть крепнет и процветает великое содружество народов стран социалистического лагеря!

(Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1959 г.)

Венгерские инженеры Роберт Ланг и Тибадор Шлайер пришли в цех Московского электролампового завода, чтобы познакомиться с производством. Гости из Венгрии встретились здесь с гостем из Китая — работником Наньцзинского лампового завода Чжан Тянь-сюнем. Вот уже три месяца он проходит в Москве практику. Подошли хозяева цеха. Крепкие рукопожатия, улыбки.

Здесь не прозвучали речи, но и без слов все ясно — у нас общие цели и мы всегда можем рассчитывать друг на друга... Фото А. ЛЯПИНА

ЖИТЬ ПО-КОММУНИСТИЧЕСКИ!

МНОГИЕ мои соотечественники в состоянии радостного беспокойства; они заняты нетерпеливыми поисками, чтобы ответить на очень важный вопрос: как жить по-коммунистически? Коммунизм стучится в наши двери, и чем настойчивей и явственней этот стук, тем большим становится наше святое беспокойство — человек спрашивает себя: а готов ли я жить при коммунизме, а нег ли в моей душе таких изъянов, которые лишают меня великого права жить по-коммунистически? И вообще, есть ли сегодня такие люди, о которых можно было бы с уверенностью сказать: вот они достойны жить в прекрасном доме, имя которому — коммунизм?

Давайте подготовим о «времени и о себе!» Этими словами заканчивал я статью «О человеке», опубликованную в начале этого года в «Литературной газете». И вот передо мной лежит обильная научка писем, отражающих напряженную работу мысли людей самых разнообразных профессий и положений. «Давайте поговорим, давайте поменяем, сообщая обществу, как будем жить дальше!» — таковы лейтмотивы всех писем. И — решительный противник «цитатничества» — на сей раз я охотно и охотно буду цитировать, постоянно прибегая к помощи авторов писем.

Читатель Владимир Клецоко озвучил свое письмо так: «Человек будущего рядом с тобой», и, вероятно, он простит мне, что я не удержался от соблазна и вынес его слова в заглавие этой статьи. Они, пожалуй, с наибольшей точностью определяют основную мысль большинства писем и — что еще важнее — останавливают наше внимание на самом существующем: вы хотите увидеть человека Коммунизма — приглашайте хорошему к людям, которые рядом с вами, и вы непременно обнаружите среди них таковых...

«...Я не удивился, когда впервые услышал об успешном запуске ракеты, — признается в своем письме Владимир Клецоко. — Конечно, я испытывал радость. Но почему я не удивился? А просто потому, что я ждал этого сообщения. И ничего удивительного не будет, если вскорости последует такое сообщение: «Межпланетный корабль с людьми на борту покинул Землю и движется по направлению к Луне».

Далее Клецоко поясняет, что он всем сердцем поверил в прекрасное будущее своей страны и потому-то не удивляется самым невероятным, самым сказочным ее свершениям. А люди? А ну-ка, присмотритесь вы к той «фабричной девочке» из бригады коммунистического труда! Видите, как пылают ее щеки, как она возбуждена вся, и какие она слова произносит, послушайте: «Когда я встречаю людей образованных, умных, сама хочу быть такой. Ученый человек да еще с прекрасной душой — делает жизнь еще лучше». Да, Клецоко прав: не надо искать человека будущего где-то в туманном далеке. «Он рядом с тобой в цехе на заводе, на фабрике, в колхозе, за студенческим столом: он шагает рядом с тобой по улице; он спасает ребенка на железнодорожной станции; он первый идет на помощь тем, кто терпит бедствие».

Владимир Клецоко не назвал нам имени девушки, которая сказала такие хорошие слова, — большая умища та девушка!

Человек будущего рядом с тобой

А ВОТ другое письмо, написанное четким, выверенным почерком: ни единой грамматической ошибки — так обычно пишут строгие учительницы русского языка. В конце — подпись: Евгений Ловчагин, Кузнец.

Не знаю, кто бы подумал на моем месте другой, но за этой лаконичной припиской «кузнец» я ощутил великую гордость рабочего человека за свою профессию. Она добавляет к своему имени слово «профессор», другие — «инженер», третья — «доктор», четвертые — «артист», а вот он — кузнец! «Кузнец» — в самом прямом, непосредственном смысле и в смысле более широком. По письму же видно, что написал его интеллигентный человек. Разве этот факт мало о чем говорит!

Предоставим, однако, слово самому Евгению: «Пользуясь случаем, что разговор о советском молодом человеке поднят на страницах вашей газеты, я хотел бы, хотя кратко, рассказать об окружающих меня товарищах, на мой взгляд, настоящих строителях коммунистического общества, чтобы знали их сверстники, что их повседневная трудовая жизнь заслуживает внимания и подражания».

А потом идет простой рассказ о хороших ребятах, которые и думают о коммунизме, и строят коммунизм, думают и строят всерьез, потому что **готовятся жить при коммунизме.**

«С Гурием Забелкиным я познакомился в нашем заводском общежитии ровно два года назад. Этот стройный, простой и аккуратно одетый парень, идя по коридору, вполне читал стихи Некрасова. — тогда он учился в 9-м классе вечерней школы. Следующий год мы учились вместе, сейчас по-прежнему живем в том же общежитии, вместе готовимся к вступительным экзаменам в институт. Работаем на Волковском алюминиевом заводе имени С. М. Кирово, но в разных цехах. Гурий работает в различном отделении электролизного цеха. Его фамилия естественным образом занесена на доску передовиков в числе лучших производственников цеха, с ним советуется и даже обращаются за помощью старые производственники. Он охотно советует, помогает. «А как он в быту, в общественных местах, на улице, в отношении с товарищами?» — спросит скептически настроенный читатель. Уверю вас, он везде чист. А сколько в нем молодого задора и энергии! Совмещая учебу в школе с работой на производстве, он успевал добросовестно выполнять обязанности члена комитета ВЛКСМ завода, регулярно занимается спортом... Не забывает Гурий о книжке, о кино и концертах. А какие высокие и чистые мысли его о товариществе, дружбе и любви, какие жесткие требования при этом он предъявляет к себе и другим».

Затем с такими же трогательными подробностями автор письма рассказывает о других своих товарищах. Я читаю его строки, и чувствую, что он ведет яростную полемику с различного рода мотовалами, с людьми короткой, слепой мысли, не умеющими не только совершать дерзновенно-прекрасные дела, но даже дерзать мысленно, — с теми, которых Владимир Клецоко назвал «маленькими человечками».

Евгений и его товарищи — это победители. Они — хозяева Будущего. Это Будущее — в них самих. И, гордые, они несут его людям и, скромные из скромнейших, как бы все же говорят: «Вот так надо жить!»

«Поклонный отец мой часто любил говорить: «Все на свете построено и разрушено человеком. Он строит, другое — разрушает. Вот оно как!»

«Так ли?» — спрашивает азербайджанский учитель Х. Налбандян, вспоминая призывы своего отца.

Весь вопрос, очевидно, в том, кто и что строит, кто и что разрушает. Советский человек разрушает все старое, отжившее и взамен строит новое, — в этом глубокий смысл всех наших дел и всех наших планов. Мы уже построили общество, в котором владыкой стал труд, труд у нас — превыше всего. И прав тов. Налбандян, когда он говорит: появление бригад коммунистического труда — явление исключительно важное.

А что сказать о людях, которые не являются членами таких бригад, не являются ударниками коммунистического труда? «Кто же мы такие?» — с понятной тревогой спрашивают некоторые читатели. Раз люди испытывают такое волнение, то это верная гарантия, что они хотят и будут работать и жить по-коммунистически; а во-вторых, всякая великая река рождается из маленьких ручьинок; из ручьинок возникает ручьи; ручьи сливаются в единый поток, поток этот ширится, превращается в могучее половодье. Не так ли и с новым народным движением, вызванным к жизни появлением первых бригад коммунистического труда? Ведь конечная цель этого движения — коммунизм, который предполагает, что будут трудиться и жить по самым высоким общественным критериям не отдельные члены общества, а все его члены.

Прав Х. Налбандян, когда он говорит о духовном уровне человека, работающего в составе бригады коммунистического труда. Уверен этот человек будет выскочит — не может быть двух мнений. А чем он определяется? Образованьем? Да, конечно, и образованием. Но только ли им? Можно ли назвать человека высоким духовной культуры «обладателем трех дипломов», о котором упоминалось в статье «О человеке»? «Он мне напоминает одного знакомого, — пишет тов. Налбандян, — который любил чрезмерно поест, но переваривал плохо. Не буду спорить, сколь правомерно такое сравнение, и правомерно ли вообще. Одно несомненно: человек забыл о главном нравственном критерии нашего общества, а таким критерием у нас является труд. Знания, не преобразованные в труд, то есть в создание материальных и духовных ценностей для всего общества, — такие знания мертвы, а нередко даже служат паразитирующим инстинктам отдельных граждан, как это и произошло с «обладателем трех дипломов», доучившимся до... пенсии».

«В труде каждый человек находит свое счастье!»

Эти мудрые слова взяты мною не из книги классика. Они принадлежат перу человека, который в конце письма сказал о себе так: «Яровой работник судоремонтных мастерских». И далее П. Рукс прибавляет: труд — это самое пре-

красное, что есть на свете. Им определяется все, в том числе и хороший, здоровый быт человека».

А вот что говорит старый коммунист и вообще старый, много переживший, много повидавший и успешный о многом подумавший человек, Яков Сидорович Скоординков.

«Помни, дорогая молодежь! Коммунизм не падает с неба. Он строится коллективным упорным, честным трудом!»

В О МНОГИХ письмах читатели поднимают вопросы морально-этические. Эта чрезвычайно важная тема требует особого разговора. А сейчас хотелось бы вновь вернуться к письму Владимира Клецоко. Он пишет, что если б удалось за один день обойти весь Советский Союз и посмотреть, что за этот день сделано хорошего, то этого хорошего оказалось бы так много, что все плохое растворилось бы, исчезло в нем. И все-таки автор письма добавляет: «Много, очень много хорошего совершается ежедневно. Но не стоит радоваться в нем плохое, а надо его выводить на поверхность, чтобы каждый видел, что ему мешает жить и работать по-коммунистически».

В этих словах ничего не надо добавлять, кроме радостного признания: хорошо жить в стране, среди беспокойных, умных, дерзавших людей, людей гордых, знающих, что они делают и во имя чего делают.

ЗАКОНЧИТЬ ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ

В ТЕЧЕНИЕ двух недель Киев был своеобразным центром советской кинематографии. Сюда на Второй всесоюзный фестиваль прибыли представители киностудий Москвы и Ленинграда, Белоруссии и Украины, прибалтийских, среднеазиатских и закавказских республик, Молдавии, Сибири и других мест. На экранах кинотеатров, клубов и дворцов культуры было показано около 150 художественных, документальных, научно-популярных и мультипликационных фильмов, лучшие киножурналы, выпущенные в 1958 году.

Жюри фестиваля присудило особый почетный диплом фильму «Поэма о море» (студия «Мосфильм») и актеру М. Штрауху — за создание образа В. И. Ленина в художественном кинофильме «Рассказы о Ленине» (режиссер С. Юткевич, студия «Мосфильм»).

Диплома первой степени удостоен фильм «Коммунизм» («Мосфильм»). Постановщицей этой картины Ю. Райзману присужден диплом первой степени за режиссуру, а автору сценария Е. Габриловичу — Диплом второй степени. Диплом первой степени за сценарий «Поэма о море» присужден А. Донченко. За исполнение женских ролей награждены дипломами первой степени актрисы Р. Гладунко (Марина в белорусском фильме «Часы остановились в полночь») и А. Шенгеля, играющая Татьяну в фильме «Евгений Онегин». За исполнение мужских ролей дипломом первой степени отмечен Б. Андреев, создавший образ Зарудного («Поэма о море») и Е. Урманский (Губанов в фильме «Коммунизм»).

КИЕВ. (Наш корр.)

ЗАВОДСКИЕ ЦВЕТОВОДЫ

В ДЕНЬ торжественного майского собрания в Доме культуры московского завода «Каучук» люди увидят прекрасные образцы продукции одного из цехов. Но это не будут листы резины или каучука...

Цех, о котором идет речь, существует на заводе несколько лет. Теперь яркий, солнечный газон стал на «Каучуке» такой же неотъемлемой частью заводского пейзажа, как кирпичные стены и трубы. «Производственная площадь» цеха озеленения расширяется с каждым годом.

К нынешнему Первомаю садоводы разбили еще один сквер. А перед проходной на сегодня-завтра зазеленеет и зацветет новая большая клумба — гигантский букет, который садовники преподнесли к празднику родному заводу. Дарить букеты в торжественные дни стало на заводе традицией: рабочий получает от цеховых букет в свой день рождения, на свадьбу, к юбилею. Вот и в эти дни мастер экспериментального цеха Кузума Сергеевич Зеленов и вулканизаторщик Алексей Михайлович Касьянов уходят на пенсию, и начальник цеха заранее

уже подумывает о том, какие цветы выбрать им для подарка.

Слова о «зеленом цехе» разнеслись широко: заехали на цветы приходят сюда так же, как приходят, допустим, в инструментальный цех заехать на детали... На заводе привыкли к делегациям из Свердловска, Херсона, Днепропетровска, гости интересуются не только производственным процессом и машинами, но и подолгу простаивают под липами и березами во дворе завода, любуются чудесными газонами. День начальника цеха озеленения Павла Григорьевича Станиславского начинается с разбора писем — в большинстве из них содержится просьба поделиться опытом, прислать посадочный материал: «Рязанская заводская фабрика просит выслать наложенным платежом сто гладиолусов, пятьдесят роз»...

На первомайскую демонстрацию рабочие «Каучука» решили выйти в весенней зелени. В цехе цветов заготовлено несколько сот веток, в ожидании праздника их аккуратно складывают в кабинете секретаря паркома завода. Здесь же на стене висит проект оформления колонны завода. Над пестрым разноцветьем цветов будет гордо возвышаться цифра, имеющая для каучуководов тот же огромный смысл, что и для всех советских людей: большая семёрка.

А. ЕРМИЛОВ

На снимках сверху — работники завода «Каучук» Валентина Суканова, Вера Николаева и Надежда Васильева отбирают цветы для красного уголка. Внизу — П. Станиславский в теплице. Фото А. ГЛИЦЕВА

Испытанное оружие атеизма

ПЕРЕД НАМИ проходит необыкновенное событие... Встают картины земского сада и «трехопаления» первой легкомысленной человеческой пары; праведный Ной грузит в ковчег всю земную живность, а Моисей записывает на скрижалях божественный закон; перед нами оживают образы, ставшие ходоками: вавилонское столпотворение, гибель Содомы и Гоморры, валамова ослица, «неопалимая купина»; Иисус Навин останавливает солнце; в соляной столб обращается излишне любопытная жена Лота. Кроваво-розовые побора сменяются идилическими любовными сценами, благочестивые богомолцы предаются разгулу и пляскам. С неба то падают губительные молнии, то сыплются маина и жареные перепела...

Умный, вдумчивый рассказчик указывает на вопиющие несообразности Библии и, раскрывая подлинный смысл и истоки легенд, на которых она построена, ведет нас через библейские события, заставляя смеяться и негодовать.

Нередко еще бывает, что именно убеждение в непогрешимости Библии привлекает сердце и ум человека к «божественному», удерживает его в сетях мрачной, леденящей душу религиозной веры. Рассказывая эту повесть, прозвучавшая оролом мнимой святости, показать земной источник «священных» текстов — важная практическая задача атеистов наших дней. Поэтому особенно переиздана «Библия для верующих и неверующих» Ем. Ярославского, о которой идет речь, находить свое заслуженное место в нынешней борьбе с религией, в современной научно-атеистической пропаганде.

Емельян Ярославский не был кабинетным ученым. Он сочетал в себе опыт партийного работника с талантом глубокого исследователя и страстного публициста. «Религия», — писал он, — это поварка на глазах у человека, которая мешает ему видеть мир правильно; и задача наша заключается в том, чтобы эту поварку сорвать и научить массу рабочих и крестьян видеть то, что есть, понимать то, что есть, и уметь перестроить этот мир так, как это нужно рабочим и крестьянам». Ярославский отдал научно-атеистической работе всю свою бодрствующую энергию, мужество и страстность. А долгие годы подполья, аресты, каторга и зверства царизма, освещенные церковью, дали ему неиссякаемую нравственную силу, наполнили его статьи высоким революционным пафосом.

Стиль Ем. Ярославского полемичен называли. Начиная с композиции книги и кончая синтаксическим строем фразы, тяготеющей к афоризму, на каждый значительный библейский эпизод дается отточенный, безупречный по логике, научный по сути комментарий, полный искрометного сарказма. Было бы весьма поучительно в специальном исследовании раскрыть, какое богатство выразительных средств использует автор при построении каждой такой главы, подчеркивая при этом, что первоначально они писались для массовой периодической печати и уже позже были сведены в книгу. Они не велики по размерам, яная глава не превышает объема двух газетных столбцов, а между тем каждая построена с поэтической изощренностью — настоящий шедевр партийной публицистики. Выводы, которые делаются в конце каждой главы и которые вытекают из всей книги в целом, благодаря высокому искусству изложения приобретают силу неотразимой убедительности.

Многие буржуазные авторы указывали на несурезный Ветхого завета, о котором идет речь в книге Ем. Ярославского. Но в их работах не было главного — анализа классового роли идеологии, социально-политической обусловленности религиозных идей. Достаточно сравнить книгу Ем. Ярославского, например, с лучшими работами Лео Такиса, одного из наиболее ярких и талантливых критиков Библии, чтобы увидеть, как далеко вперед ушел пролетарский атеизм по сравнению с буржуазным просветительством. Партийный, принципиальный подход к истории религии, связь анализа с конкретной практикой классового движения пролетариата, борьба против всех форм религиозного дурмана ради торжества научных идей социального переустройства мира — таковы отличительные особенности «Библии для верующих и неверующих».

О чем бы ни писал Ем. Ярославский, везде и всегда он ставит основной вопрос: «Кому это выгодно?» И, отвечая на него, раскрывает роль Библии как орудия социального гнета. «...То, чему учит Библия, — показывает он в ходе изложения, — ее мораль, ее законы — рабовладельческие законы, вредные для трудящихся и полезные для эксплуататоров».

Ем. Ярославский дает историческое объяснение легендам Библии, выявляет исторический контекст, с которым связаны элементы ее рассказов. И тогда весьма пикантные страницы, вроде истории с дочерью Лота и купли Иерихонских вратах за «мандроговорье» яблоки, снисходительный взгляд на многообразие библейских героев и скотское отношение Библии к женщине убедительно объясняются как отражение реальных семейных устоев прошлого. Автор постоянно сопоставляет содержание Библии с данными современной науки и показывает, что она представляет собой «детский лепет человечества на ранней заре его умственного развития». В книге содержится большой материал по сравнительной мифологии, который убеждает читателя в том, что многие библейские рассказы (например, легенда о «сотворении мира») о всемирном потопе) просто заимствованы из других религий, что нравственные принципы и особенности бытия являются отзвуком действительного общественного уклада, существовавшего тысячи лет назад.

С блеском прослеживает Ем. Ярославский и противоречие представление о христианском божестве. Это не тот бог, о котором с умилением твердят верующим богословы. «Какое это бессильное, кровожадное, злобное, мстительное существо, этот бог Библии!» — подводит итоги своему анализу Ем. Ярославский.

Прошли годы с тех пор, как была написана «Библия для верующих и неверующих». Миллионы людей прочитали ее, на ней воспитались поколения атеистов. Многие изменились с той порой. Непрерывно ширится процесс массового отхода народа от религии, о котором с гордостью писал Ем. Ярославский. Далеко вперед шагнула наша страна, ее наука и техника. Но научно-атеистическая работа не утратила своей актуальности, не стала уделом безразличных исследователей. И если устаревают некоторые положения книги, в особенности оценка политической линии служителей культа в нашей стране, то главное, о чем писал Ем. Ярославский, осталось.

Сохранилась церковь, сохранилось религиозное учение, сохраняют свою идейную остроту и критика Библии, служители культа основательно потрудились над тем, чтобы замаскировать свое учение под социализм и научность. Но антинаучная сущность религии не изменилась, как не изменились и рассуждения о «безвестной отчизне», бесцельности человека, «неисповедимости» божественного промысла. В последние годы священнослужители еще настойчиво рекламируют Библию, как «единственное откровение, данное роду человеческому». Поэтому и живет яркая, талантливая книга Ем. Ярославского, и входит в боевой арсенал атеиста, как проверенное временем оружие в борьбе против религиозных идей, образцов партийной, живой, страстной публицистики.

Л. МИТРОХИН

У НАС В ГОСТЯХ

Каждый раз, когда мы видим артистическую молодежь, только вступающую в мир искусства, мы невольно стараемся угадать ее будущее. Так было и на этот раз, когда участники первомайского вечера «Литературной газеты», состоявшегося 25 апреля в Центральном Доме журналиста, встретились с воспитанниками Театрального училища имени Б. В. Шуккина.

Наше училище, — сказал во вступительном слове народный артист РСФСР профессор Б. Захава, — существует сорок пять лет. За это время из его стен вышло немало известных ныне артистов. Стремись сделать свой театр поэтическим, праздничным, мы враждебно относимся к серькому, будничному натурализму, который является выражением равнодушия. Мы стараемся привить своим питомцам глубокое чувство сценической правды, заставить их «слышать время».

Воспитанники училища показали на вечер разнообразную программу: сцены и отрывки из пьес, танцевальные и мимические номера. На вечер выступили Л. Бадеева, В. Корейский, Е. Королева, М. Струнова, Л. Макасова, Н. Ключкова, И. Шкурна, М. Балан, М. Державина, В. Захарюкина, З. Нотероз, М. Арнаутова, И. Бунина, Н. Маева, И. Ложкина, Т. Акулинина, В. Ганшина, И. Бортник. Программу вел Е. Райкин, концертмейстер А. Штейнгольц.

Участники вечера тепло поблагодарили будущих артистов, пожелали им больших творческих успехов.

70-летие Иосифа Гришавили

И СПОЛНИВАЕТСЯ 70 лет со дня рождения старейшего грузинского поэта Иосифа Григорьевича Гришавили. «Правление Союза писателей СССР», — говорится в приветственной телеграмме, направленной юбиляру, — горячо поздравляет Вас, одного из самых старейших мастеров советской поэзии, в день Вашего семидесятилетия. Желаем Вам, дорогой Иосиф Григорьевич, здоровья, бодрости и новых творческих успехов на благо всей нашей многонациональной советской литературы».

Дорогу новому!

Спрашиваешь, много ли камней я убрал за свою жизнь? Да как тебе сказать, пожалуй, целую деревню можно было бы выстроить. С малолетства с земли нашей камни собираю, а мне уже под семидесять, — говорит Гарегин Нерсисян, обрезающая стебель виноградной лозы. — Много лет ждем машину, — уже серьезно продолжает старик. — Стыдно сказать, в такое время живем, а камни руками собираем. Вроде огузов... — Огузов? — переспросил я. — Сходил бы, сынок, да посмотрел гору огузов — великанов наших. Тогда бы понял, с каких пор в этих местах камни собирают.

Камни и каменное равнодушие

читают заключение специальной комиссии Армянского сельскохозяйственного института под председательством профессора Г. Х. Агаджаняна: «Камнеоборочный комбайн В. Гаустяна, П. Гаустяна и А. Карапетяна является оригинальной конструкцией и повинкой в сельскохозяйственной технике. Внедрение его в производство окажет большую помощь в механизации трудовых процессов...» Дата — 25 февраля 1953 года.

К. СЕРЕБРЯКОВ, корреспондент «Литературной газеты»

Машинкой слезить. Мы с поверенными образами еле справляемся. Многого стало ясно. Захотелось посперить с М. Есаианом, Г. Гояном и Г. Нечетовым, сказать им, что в нашей стране любое ценное изобретение — это государственное достояние, и в судье его должна проявляться кровная заинтересованность. Почему же, скажем, случилось так, что члены комиссии во главе с профессором, ныне академиком Г. Агаджаняном, одобрявшие изобретение, оставили начатое дело на полпути?

Представим себе, что изобретатель почему-либо оступил в своем детстве — то ли устал от бесплодной борьбы, то ли потерял уверенность в себе. Но можно ли рассматривать его изобретение только как личное его дело? Нет, оно должно волновать, тревожить всех, кто призван заботиться о техническом прогрессе. Нередко модели далеки от совершенства. Но в том-то и заключается благородный долг ученых, чтобы помочь изобретателю улучшить конструкцию, облекч идея в наиболее рациональную форму.

С кем ли договорились — с колхозником, механизатором, ученым, — все утверждать, что камнеоборочная машина очень нужна. Нужна она и каменщикам своим землям Армении, и всему Кавказу. Нужна Ирраульскому, Прибалтике, Дальнему Востоку, где в наши дни допотопная ручная уборка камней поглощает много человеческого труда.

И обидно, что один из образцов машины, призванной заменить труд человека, остался забытым у самого порога своего рождения. Как тут не вспомнить упрек старого виноградаря Гарегина Нерсисяна из села Везева! И перед глазами снова и снова встает веселые картины: люди нагибаются за каждым камнем, которых тысячи и тысячи.

Есть еще одна машина, призванная облегчить труд горного земледельца. Пусть ее в жизнь ее более долго.

Передо мною республиканская газета «Коммунист» от 5 апреля 1953 года. На четвертой странице — заметка: «Со-

трудник Ереванской опытной станции виноградарства тов. А. Ордян изобрел специальную машину по заготовке виноградных лоз. Это изобретение... будет иметь большое значение в развитии виноградарства...»

Прошел двадцать один год. Но, как и прежде, осязая вручную идет закладка каждого куста, а с наступлением оттепели люди лопата сбрасывают в виноградной лозе земляное укрытие.

...Поднимаю на четвертый этаж большого дома по улице Тамазяна в Ереване, где живет Аршак Ордян. Очень подвижной, с энергичным и добрым лицом хозяин ведет меня в свою комнату. На приборном столе, как самое почитаемое в доме, стоит модель лозокопальной машины. Годы, отнюдь не в день, изобретатель смахивает с нее по утрам пыль.

Более двадцати лет Аршак Григорьевич не может добиться осуществления своей идеи. Распухла папка с бесконечной перепиской, вырезками из газет. Есть здесь и статья о волоките с изобретением, опубликованная в июне 1956 года в «Известиях». Давным-давно всеми инстанциями был утвержден проект. Но где разместить заказ? Москва советует сделать это в Одессе. Из Одессы отвечают: заказ принять не могут. Снова запросы, снова жалобы. В апреле прошлого года началось переписка с Тбилиси. Наконец, в Совнархозе Грузии приняли заказ. Но изобретатель не перестает тревожиться. Он посылает в Тбилиси письма, спрашивает, как идут работы по конструированию экспериментального образца. Ответа нет.

Новая машина, как выразился Аршак Григорьевич, «культуру за собой тянет». Речь идет о перестройке «геометрии» виноградников, в особенности колхозных, о том, чтобы расставить лозы в четкие ряды, чтобы машинам было где пройти. Тогда легче будет поднять лозы на шпалеры. А что это значит, показывает опыт переболевших совхозов. Немалый опыт накопили и Аршак Григорьевич. Четыре года он руководил в Цахкашенском колхозе Арташатакского района экспериментальным участком, применил свой горизонтально-плоскостной способ формирования виноградных лоз, механизировал трудоемкие процессы по уходу. И что же?

график дал 29 центнеров с гектара, на второй — 156, на третий — 303 центнера. Богатырский урожай! Вскоре Арташатакский участок перевели в сельскохозяйственный институт. Опытный участок запустел. А ведь как стоило бы этот опыт распространить в виноградарстве.

Но вернемся к лозокопальной машине. Я снова в Министерство сельского хозяйства СССР. Картина почти с фотографической точностью повторяется в камнеоборочном комбайне.

Инженер Г. Шамаев перебирает толстую папку с перепиской.

— Было, было такое дело, — говорит он. — Как же, даже фамилию изобретателя помню — Ордян. Но знаете, что я скажу — очень уж он какой-то тихий человек. Обычно изобретатели — народ упрямый, настойчивый, даже назойливый. А Ордян — тихий. Не бывает у нас, не шумит... Вот, пожалуйста, нашел: это бумажки из Еревана, а эту вы в Одессу послали в 1957 году, а эту вот в Тбилиси — в прошлом году.

— Ну и что, готовая в Тбилиси опытная образцы?

— Не скажу, не знаю. Ответа до сих пор нет.

Начальник Главного управления механизации и электрификации сельского хозяйства Л. Корбут, выслушав меня, позвонил Г. Шамаеву:

— Что вы знаете о машине Ордяна? Справьтесь в Тбилиси и доложите. На второй день я снова зашел к Г. Шамаеву.

— Звонил. Узнал, — торжественно говорил он. — Начальник специального конструкторского бюро Совнархоза Грузии Л. Курдоянидзе заверил, что опытный образец будет в сентябре. Ордян недавно пригласили в Тбилиси. Все уточнили, обо всем договорились. Только что я об этом начальству докладывал...

В тот же день я связался с Ереваном, чтобы поздравить изобретателя.

— Что вы, что вы! — услышал я знакомый голос Аршака Григорьевича. — Никто меня не вызывал. Нигде я не ездил. Никаких вестей из Тбилиси нет. Жду...

Цель замкнулась. А разорвать бы эту цепь, убрать рогаги на всем пути творческой мысли изобретателя, — какой бы простор, какую бы остроту и действенность обрела она, живая, неустанно ищущая творческая мысль.

Музы на откупе

ПРИЕЗЖИИ напрасно разыскивал Балакшева. — Михаил Александрович на концерте.

— Как? Днем?

— Он выступает в любое время суток. — Выступает? Но, позвольте, он никогда не был артистом.

— Что вы? Он же тарифицирован как мастер художественного слова высшей категории.

Удивленный приезжий помчался в концертный зал. Ему надо было сегодня же повидать начальника внутриконцертного отдела Госконцерта СССР Михаила Александровича Балакшева. У гостя с периферии был уже в кармане билет на ночной поезд...

Ну, а как же быть с периферийным зрителем, нетерпеливо ожидающим приезда знаменитостей? В этих случаях выручает испытанный административный прием. Срочно посылается приглашение какому-либо свободному от сценической работы артисту из Балакшево для переговоров. Не проходит и двух дней, как мобилизованный и призванный киноактер уже мчится на пышной скорости к месту прорыва. Расчет здесь прост. Кино у нас популярно. Популярно. Значит, артист, выступавший в нашумевшем фильме, может дать сбор? Может. Что он будет показывать? А не все ли равно? Припомнит кадры из старого фильма, расскажет два-три анекдота...

Глава внутриконцертного отдела муз и граций послал на места такие путаные планы, что разобраться в них не мог даже штатный и внештатный состав периферийной филармонии. Периферия нетерпеливо выжидала: «Автора, автора!» Представитель ринулся в Москву. И вот, как на зло, в самую критическую для судьбы отдаленной филармонии минуту Балакшев покинул руководящий пост, чтобы срочно внести свой вклад в сокровищницу искусства.

...На сцене отзвучали последние аккорды скрипки. И вот вышел сам Михаил Александрович Балакшев. Лик его был томен и мрачен. Поглядев в первые ряды партера, он угрюмо произнес: «Ария Баттерфляй» из оперы Пуччини «Мадам Баттерфляй», было хотел пережить всю ответственность за страдания героини на публику.

В другой приезжий гость спросил работников Госконцерта, почему они так странно пошутили над ним. Какой же Балакшев мастер художественного слова, если он просто объявляет концертные номера?

С кинематографической быстротой мчатся по стране бригады киноартистов. К примеру, артисты Кулаков, Фричский, Харитоновы дали сто тридцать концертов за сто тридцать два дня. Они проговаривали свой репертуар в таком темпе, что, начав рассказывать увлекательный эпизод из жизни киноприма в Перми, заканчивали его в Хабаровске. Это концертное турне очень напоминало старинный фильм времен раннего Эвэнштейна и позднего Мозжухина: герои бежали сломя голову, деградя на ходу от неустойчивого темпа.

Балакшевские традиции переняли в ВГНО и филармония. Может быть, поэтому, скажем, профессору Ленинградской консерватории В. Нильсену, приехавшему в Алма-Ату на концерт, местные деятели филармонии учтиво ответили, что приехал он в такую дату совершенно напрасно — никто не ведал о его приезде. Может быть, поэтому на сцене филармонии в Петропавловске (Казахстан) взамен певцов и музыкантов выступил... медведь. Мишка показал свои дарования во всем блеске, талантливо разрывая единорогов человека с диним животным. Финал этой схватки получился блестящим: речитатив филармонии была уложена на обе лопатки.

Он велудный, — последовал ответ. И тут же наивно провинциалу растолковали, в чем заключается ведущая роль Михаила Александровича в искусстве. За оглашение очередных номеров он, единственный из велудных, получает ставку мастера художественного слова высшей категории — 150 рублей за выступление. Приезжий принудил: ежели разложить эту сумму на количество слов, получается очень недурно. На концерте камерного оркестра он, к примеру, вымолвил собственноручно ровно пятьдесят слов, прочитав по программе название номеров. А получил за это не меньше, чем если бы вел известным поэтом и увековечил фамилии артистов в звучных стихах.

Пример Балакшева плодотворно осваивается многими деятелями искусства. Командующие музками сбиваются с ног, когда их нос учует возможность легкого успеха. Модному эстраднику, выступающему в «звездном» стиле, устраивается широковещательная реклама, его окружают нежными вниманием, о его появлении в данном конкретном месте воззещает специальный глашатай из числа самых расторопных и горластых администраторов. Зато крупные артисты со всевозможными именами, пропагандирующие творчество народов СССР, советское искусство, подчас выступают перед полупустыми залами; администраторам все недосуг организовать рекламу.

Тут было о чем поразмыслить. Но, может быть, Балакшев крупный знаток мелоса и вокала и только ему может быть доверена честь вершить судьбы одаренных артистов? И опять осведомленные люди скептически усмехнулись. Они-то знали, что познания Михаила Александровича в искусстве сводятся к тому, что он твердо усвоил: Рейзен поет, а не играет на скрипке.

Но кто бы знал, как нелегко дается Балакшеву восхождение к высотам искусства, кто бы ведал? Иногда Михаил Александрович боится забыть, как обозначаются ноты. Желая предотвратить неприятный казус, он держит в своем служебном столе список. В нем указаны, какими латинскими буквами обозначаются до, ре, ми, фа, соль, ля и си. Но, видимо, и это наглядное пособие мало прибавляет эрудции повелителю муз. Может быть, поэтому аккомпаниаторы деликатно отводят руку Михаила Александровича, когда он, грациозно присев к роялю, пытается переписать ноты.

В самой маленькой кустарной артели давно уже усвоена простая истина: руководить производством может только просвещенный специалист. Во главе любого цеха стоит инженер, а не преваливший продавец галантерейного магазина. Почему же на важном участке идеологического фронта, у кормила искусства поднимаются люди, не знающие ничего, кроме коммерции? Вот, кстати, Балакшев принял командование музками, придал со скамьи авантюриста, едва освоив там первый курс. Впрочем, нынче он приспосабливается и малодоступен. Он старательно подчеркивает свою дружбу с корифеями, называя Гилельса — Милей и Лемешева — Сереженькой. И он столь же старательно подчеркивает свою неприязнь к артистам, пусть талантливым, но еще не попавшим в «обойму».

Но никто, однако, не отгадывает руки Балакшева, когда он рекомендует, как надо развешивать концертную деятельность в стране. Никто не в силах преодолеть его руководящего шпестель. Вот он сочинил умопомрачительный гасстрельный план на осень и зиму 1958—1959 года. Впрочем, разве это план? Фейерверк! Сияние имен!

Но вскоре фейерверк погас... Оказалось, что Балакшев, запланировав выездные выступления видных столичных светил, забыл о таком пустяке, как их согласие... Так что, скажем, яная балерина еще крутит фузе на сцене театра, а зрители Риги ожидают, что она выступит в тот же вечер перед ними.

Да только ли его одного? Вот, скажем, в Министерстве культуры РСФСР намелели коренным образом перестроить систему концертной деятельности. Кому поручить это важное дело? Конечно же, человеку проверенному, испытанному, верному. Таким оказался заместитель начальника Главного управления по делам искусств А. Холодилкин, прославившийся популяризаторской работой в ансамбле и состоянием покровительством некоторым нечистоплотным лицам типа директора Кемеровской филармонии Мессесяна и других. Незамысловитый кадр!

Что могут показать зрителю дельцы типа Балакшева и Холодилкина? Какую радость принесли они зыскательному советскому человеку? Нет, не будет этой радости, доколе с их благословения на подмошку филармоний происходит единообразие медведя и украшений, доколе из города в город на бешеной скорости мчатся анекдотисты из киностудий и гучные цыгане из концертных таборов.

Юр. ЧАПЛЫГИН

ЧИТАЙ ЖУРНАЛЫ...

«Клуб Активных Друзей Природы»

ЗАЧЕМ рубить под корень редкие рощи и дубравы вокруг городов и поселков, вокруг рек и озер, когда перестают расти и гибнут леса в глухих, необжитых местах? Разумно ли заманиваться топором на дальневосточный кедр только потому, что кому-то надо построить куртинки? Почему красавец архар становится жертвой браконьеров?

Эти и многие другие вопросы поднял на своих страницах журнал «Крокодил», посвятив защите природы очередной номер, вышедший 20 апреля.

Систематическая, настойчивая борьба советской печати за охрану природы подкрепляется концентрированным ударом сатиры по врагам флоры и фауны. Злые карикатуры, яркие рассказы, острые фельетоны, земные стихи, частушки будят в читателе чувство тревоги за сохранность наших природных богатств, зовут к борьбе на их защиту.

«Крокодил» отныне предоставил «Клубу Активных Друзей Природы» постоянное место. На первом учредительном собрании клуба выступили писатели — депутаты Верховного Совета СССР Гумер Балширов, Петрус Бурова, Хона Намсарев, Мирза Ибрагимов, Дмитрий Гуляев.

Хочется пожелать редакции «Крокодила» и в дальнейшем интересно и остро развивать эту тему на страницах своего журнала.

О ВЫМЫШЛЕННОМ «ПЯТАЧКЕ»

МНОГИЕ положения статьи «Эпоха и языковая «пятячка» не могут быть признаны обоснованными и вызывают необходимость возразить А. Югову по ряду принципиальных вопросов.

В него благодаря работе полубившихся народу писателей. Но нельзя механически «вливать» в литературный язык абсолютно все «местные речения» путем «значительных» пометы «областное» в «Толковом словаре русского языка».

Борьба с мимой свирепостью редакторов и корректоров (которые в статье А. Югова выглядят законными противниками народности языка) будет тем успешнее, чем авторитетнее писатель, тем теснее с духом народного языка связано отстаиваемое им слово.

Ибо не всякое простое, немудреное слово, которое можно услышать в природе, следует воспринимать как признак народности языка.

Как явствует из статьи А. Югова, он считает слова «нету», «непогода», «зминик», «по — за» (предлог), «берем», «трухлявые», «посойбит» и некоторые другие чисто литературными.

Основание? Эти слова употреблены в произведениях русских классиков. А в каком произведении, в какой ситуации, в речи автора или в речи персонажа? Это Югова не интересует, это, видимо, по его мнению, не столь важно.

Вообще разговор о лексических «пятачках» ведется А. Юговым отвлеченно, в полном отрыве от жанрово-стилистических различий. Парадоксальным является вывод А. Югова, что якобы «все ширится и ширится разрыв между еще не успевшим войти в язык народным языком и языком литературным».

Вряд ли этот вывод правилен. Вряд ли он будет поддержан кем-либо из исследователей, рассуждающих не только эмпирическими заключениями, но и фактическим материалом.

Считая, что статья А. Югова способна только дезориентировать читателя в ряде важных литературно-языковых проблем и внести путаницу и неразбериху в их решение.

С. ПАЛАНЧУК, доцент кафедры русского языка Львовского пединститута

Алексей Югова «Эпоха и языковая «пятячка», вызвавшая многочисленные отклики. Многие читатели считают, что А. Югов заставил задуматься над решением важных вопросов дальнейшего развития русского языка. Однако не все разделяют основные положения его выступления.

Сегодня мы публикуем статью доцента кафедры русского языка Львовского пединститута С. Паланчука и преподавателя Шахтинского пединститута Л. Барласа, которые полемизируют с А. Юговым.

Стилистических различий. Парадоксальным является вывод А. Югова, что якобы «все ширится и ширится разрыв между еще не успевшим войти в язык народным языком и языком литературным».

Вряд ли этот вывод правилен. Вряд ли он будет поддержан кем-либо из исследователей, рассуждающих не только эмпирическими заключениями, но и фактическим материалом.

Считая, что статья А. Югова способна только дезориентировать читателя в ряде важных литературно-языковых проблем и внести путаницу и неразбериху в их решение.

С. ПАЛАНЧУК, доцент кафедры русского языка Львовского пединститута

Стилистических различий. Парадоксальным является вывод А. Югова, что якобы «все ширится и ширится разрыв между еще не успевшим войти в язык народным языком и языком литературным».

Вряд ли этот вывод правилен. Вряд ли он будет поддержан кем-либо из исследователей, рассуждающих не только эмпирическими заключениями, но и фактическим материалом.

Считая, что статья А. Югова способна только дезориентировать читателя в ряде важных литературно-языковых проблем и внести путаницу и неразбериху в их решение.

С. ПАЛАНЧУК, доцент кафедры русского языка Львовского пединститута

Стилистических различий. Парадоксальным является вывод А. Югова, что якобы «все ширится и ширится разрыв между еще не успевшим войти в язык народным языком и языком литературным».

Вряд ли этот вывод правилен. Вряд ли он будет поддержан кем-либо из исследователей, рассуждающих не только эмпирическими заключениями, но и фактическим материалом.

Считая, что статья А. Югова способна только дезориентировать читателя в ряде важных литературно-языковых проблем и внести путаницу и неразбериху в их решение.

С. ПАЛАНЧУК, доцент кафедры русского языка Львовского пединститута

Стилистических различий. Парадоксальным является вывод А. Югова, что якобы «все ширится и ширится разрыв между еще не успевшим войти в язык народным языком и языком литературным».

Вряд ли этот вывод правилен. Вряд ли он будет поддержан кем-либо из исследователей, рассуждающих не только эмпирическими заключениями, но и фактическим материалом.

Считая, что статья А. Югова способна только дезориентировать читателя в ряде важных литературно-языковых проблем и внести путаницу и неразбериху в их решение.

С. ПАЛАНЧУК, доцент кафедры русского языка Львовского пединститута

Стилистических различий. Парадоксальным является вывод А. Югова, что якобы «все ширится и ширится разрыв между еще не успевшим войти в язык народным языком и языком литературным».

Вряд ли этот вывод правилен. Вряд ли он будет поддержан кем-либо из исследователей, рассуждающих не только эмпирическими заключениями, но и фактическим материалом.

Считая, что статья А. Югова способна только дезориентировать читателя в ряде важных литературно-языковых проблем и внести путаницу и неразбериху в их решение.

С. ПАЛАНЧУК, доцент кафедры русского языка Львовского пединститута

Стилистических различий. Парадоксальным является вывод А. Югова, что якобы «все ширится и ширится разрыв между еще не успевшим войти в язык народным языком и языком литературным».

Вряд ли этот вывод правилен. Вряд ли он будет поддержан кем-либо из исследователей, рассуждающих не только эмпирическими заключениями, но и фактическим материалом.

Считая, что статья А. Югова способна только дезориентировать читателя в ряде важных литературно-языковых проблем и внести путаницу и неразбериху в их решение.

С. ПАЛАНЧУК, доцент кафедры русского языка Львовского пединститута

Стилистических различий. Парадоксальным является вывод А. Югова, что якобы «все ширится и ширится разрыв между еще не успевшим войти в язык народным языком и языком литературным».

Вряд ли этот вывод правилен. Вряд ли он будет поддержан кем-либо из исследователей, рассуждающих не только эмпирическими заключениями, но и фактическим материалом.

Считая, что статья А. Югова способна только дезориентировать читателя в ряде важных литературно-языковых проблем и внести путаницу и неразбериху в их решение.

С. ПАЛАНЧУК, доцент кафедры русского языка Львовского пединститута

Стилистических различий. Парадоксальным является вывод А. Югова, что якобы «все ширится и ширится разрыв между еще не успевшим войти в язык народным языком и языком литературным».

Вряд ли этот вывод правилен. Вряд ли он будет поддержан кем-либо из исследователей, рассуждающих не только эмпирическими заключениями, но и фактическим материалом.

Считая, что статья А. Югова способна только дезориентировать читателя в ряде важных литературно-языковых проблем и внести путаницу и неразбериху в их решение.

С. ПАЛАНЧУК, доцент кафедры русского языка Львовского пединститута

Стилистических различий. Парадоксальным является вывод А. Югова, что якобы «все ширится и ширится разрыв между еще не успевшим войти в язык народным языком и языком литературным».

Вряд ли этот вывод правилен. Вряд ли он будет поддержан кем-либо из исследователей, рассуждающих не только эмпирическими заключениями, но и фактическим материалом.

Считая, что статья А. Югова способна только дезориентировать читателя в ряде важных литературно-языковых проблем и внести путаницу и неразбериху в их решение.

С. ПАЛАНЧУК, доцент кафедры русского языка Львовского пединститута

Новые стихи

Евгений ВИНУКОВ

ЕСТЬ СЛЕЗЫ, КАК ВОДА...

Есть слезы, как вода! Ручьи тех жалких слез Готовы течь всегда, От них лишь пухнет нос. Есть слезы, как огонь, Клокочущий поток! Ты их платком не тронь. Они прожгут платок! Коль радость через край, Коль горю нет конца, Ты слез не утирай С горячего лица, Ты не стесняйся их, Прорывайся всерьез, Тех диких и святых, Тех благодатных слез...

ХОЧУ БЫТЬ НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТОМ...

Хочу быть начинающим поэтом, На мэтра хорошего смотреть... Он грозный ходит, он брызжит при этом. Его лицо багрово, словно медь. Он в кресло опускается усталое. Он льнет трубой, тяжело дыша... О, как бы я хотел, чтоб трепетала В надежде и неведенье душа! Он щелкнул пальцами, ища примера, Нашел, и голос вверх идет, звеня, — Тут что-то на Шекспира, из Гомера. Я сижу. Я стих. Уже он стер меня... Но вот он поднимается на кресла, С улыбки слабой треплет по плечу. И оживя, я душой воскресла! Счастливым, я на улыбку лег! Среде города, среди бешеного мая Лечу я, не скрывая горькое, Тетрадку к сердцу креню прижимая, Не видя и не слыша ничего...

В ПУТИ...

Сибирские вагоны-рестораны, — На тыщу верст расчитанный уют!.. Здесь за графини раздрают раны Сердечные, бранятся и поют. Актер бровастый — едет на гастроли, Морзяк — спешит из отпуска назад. За долгий путь сдружились поневоле, Сидят, касаясь лбами, взгляд на взгляд. И все, что за ползники наболело, Все, что таили где-то в глубине, В сердцах друг другу поверяют смело Среди народа, как наедине. Всю жизнь свою — женитьбы и разводы, Печальные ошибки прошлых дней. Потребность человеческой природы В признаниях — стыдливыми сильнее! О, сколько тут новелл, если порты! Как вспомнить их и не сойти с ума! Другая борнот, и бежит по лицам То свет, то тьма, то свет, то снова тьма. Когда бы это все они забыли, Как бы их уж удел нелегкий прост... А за окном безлюдье Сибири, Полночная тайга на тыщи верст.

КОГДА МОИ ДРУЗЬЯ СОЙДУТСЯ ЗА СТОЛОМ...

Когда мои друзья сойдутся за столом, Внимашь ты, пристроясь робко к краю, Беседам о грядущем, о былом, О настоящем, — блудца вытирая. О философю, — мой дружок! Подчас, когда, обурасав друг на друга, Они кричат, сарказмами раз, Ты в кулачок звеняшь, — мой подруга. И вижу я по выраженью глаз И по улыбке, что скользнула готова: — Пускай кричат. Они уйдут гетчас. И мы с тобой вместе будем снова.

В ПОХОДЕ

Еще кое-где в оврагах и лошадях лежал снег, а первые гурьсты — комсомольцы пензенского завода «Счетмаш» уже появились в лесу. Туристы захватили с собой портативные газовые плиты, которые недавно начал изготавливать их завод. На обед сегодня будет настоящей глазуней! Фото В. Гришина

Еще одна пьеса Хамзы

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

Литературное обозрение

Еще одна пьеса Хамзы

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

Спорная позиция

Любой разговор, а тем более принципиальный спор о языке писателя неминуемо касается самых сокровенных и определяющих сторон художественного творчества.

Хочу быть начинающим поэтом...

Хочу быть начинающим поэтом, На мэтра хорошего смотреть... Он грозный ходит, он брызжит при этом.

В пути...

Сибирские вагоны-рестораны, — На тыщу верст расчитанный уют!.. Здесь за графини раздрают раны Сердечные, бранятся и поют.

Когда мои друзья сойдутся за столом...

Когда мои друзья сойдутся за столом, Внимашь ты, пристроясь робко к краю, Беседам о грядущем, о былом, О настоящем, — блудца вытирая.

Поэтическая книга

Автор книги «Белозерье» В. Гарновский хорошо знает природу. Бывший моряк, охотник, следопыт, он много лет живет в селе Зубово, Шольского района, Вологодской области.

Искренность, лиризм, изящество...

Знакомая с жизнью и творчеством этого человека, поражаешь многообразием свершенного им поэзия и проза, активнейшая общественная деятельность и труд редактора, ученого, переводчика.

Интернациональный кругозор писателя

ВХОДЕ председателю дискуссионной комиссии уже не раз вспоминали о великих традициях русской литературы, о традициях Пушкина и Толстого, Белинского и Чернышевского.

Интернационализм

Интернационализм — одна из важнейших черт понятия «современность». В наши дни — больше, чем когда-либо. Во времена Белинского или даже Толстого зарубежная жизнь интересовалась, переводились книги читали лишь ничтожное меньшинство населения царской России.

В походе

Еще кое-где в оврагах и лошадях лежал снег, а первые гурьсты — комсомольцы пензенского завода «Счетмаш» уже появились в лесу.

Туристы захватили с собой портативные газовые плиты, которые недавно начал изготавливать их завод.

Литературное обозрение

Еще одна пьеса Хамзы

В мартовской книжке журнала «Звезда Востока» № 3, 1959 г. Ташкент

Спорная позиция

Любой разговор, а тем более принципиальный спор о языке писателя неминуемо касается самых сокровенных и определяющих сторон художественного творчества.

Хочу быть начинающим поэтом...

Хочу быть начинающим поэтом, На мэтра хорошего смотреть... Он грозный ходит, он брызжит при этом.

В пути...

Сибирские вагоны-рестораны, — На тыщу верст расчитанный уют!.. Здесь за графини раздрают раны Сердечные, бранятся и поют.

Когда мои друзья сойдутся за столом...

Когда мои друзья сойдутся за столом, Внимашь ты, пристроясь робко к краю, Беседам о грядущем, о былом, О настоящем, — блудца вытирая.

Поэтическая книга

Автор книги «Белозерье» В. Гарновский хорошо знает природу. Бывший моряк, охотник, следопыт, он много лет живет в селе Зубово, Шольского района, Вологодской области.

Искренность, лиризм, изящество...

Знакомая с жизнью и творчеством этого человека, поражаешь многообразием свершенного им поэзия и проза, активнейшая общественная деятельность и труд редактора, ученого, переводчика.

Интернациональный кругозор писателя

ВХОДЕ председателю дискуссионной комиссии уже не раз вспоминали о великих традициях русской литературы, о традициях Пушкина и Толстого, Белинского и Чернышевского.

Интернационализм

Интернационализм — одна из важнейших черт понятия «современность». В наши дни — больше, чем когда-либо. Во времена Белинского или даже Толстого зарубежная жизнь интересовалась, переводились книги читали лишь ничтожное меньшинство населения царской России.

Интернациональный кругозор писателя

ВХОДЕ председателю дискуссионной комиссии уже не раз вспоминали о великих традициях русской литературы, о традициях Пушкина и Толстого, Белинского и Чернышевского. Стоит вспомнить и о том, что в классической русской литературе пафос современности органически связывался с вниманием и уважением к культуре других стран.

У советской литературы есть свои, давние и очень благородные традиции интернационализма — традиции, которые и сейчас являются основой ее творчества.

Дух интернационализма, органически свойственный нашей литературе, нашел свое яркое выражение в недавно появившемся романе Б. Полевого «Глубокий тыл». Мы видим в этом произведении, как в трудные годы войны у рядовых советских патриотов воля к борьбе против гитлеровских захватчиков естественно сочеталась с чувством любви и симпатии к тружущимся немцам — жертвам гитлеровского гнета и бордам против него.

В свое время М. Горький в письме к А. Суркову призвал советских писателей чаще обращаться к темам международной жизни, борьбы с фашизмом, революционной героикой западного пролетариата. «...Говорить надо об интернациональном значении нашей поэзии, и не только говорить, а делать, делать». Теперь нет оснований сетовать, что наши писатели редко обращаются к зарубежной действительности. Но стоит задуматься, как в каких формах, на каком идейно-художественном уровне это делается. Изображение зарубежной жизни в советской литературе — очень важная и интересная область исследования для критиков и литературоведов. Тут есть и большие, беспорядочные успехи. Но есть и

огорчительные неудачи, вещи, написанные поверхностно, без должного знания зарубежной жизни, не выдерживающие проверки временем. Во всяком случае, нашей литературе накопили и в этой тематической сфере большой творческий опыт, который предстоит еще изучить и обобщить.

Было бы ошибочно думать, что в международной политической борьбе наших дней участвуют только те прозаики и поэты, которые выступают с трибуны международных конгрессов, публично и часто бывшая за рубежом, пишут очерки или стихи о зарубежье. Нет, в борьбе этой участвует, по сути дела, вся советская литература, участвуют, пожалуй, особенно активно и непосредственно те писатели, в произведениях которых встает сегодняшняя советская действительность.

Если книга, рисующая нашу жизнь односторонне, без ясной коммунистической перспективы, иной раз берет на вооружение врагами советского строя; если книга, дающая обремененную, упрощенную картину нашей жизни, утверждающая советские идеи в схематичной и декларативной форме, вызывает недобрые читатели и не убеждает его, — то произведения, где дела и дни советского народа обрисованы честно, в острой борьбе старого и нового и вместе с тем во всей их реальной красоте и величии, во всей их сложности, находят у всех честных людей за рубежом живой и сочувственный отклик, помогают им «сентиментально преодолеть предрассудки и преубеждения, завоевывать нашей стране новых искренних друзей».

Во время пребывания в Чехословакии в сентябре 1957 года я имела возможность убедиться на личном опыте, какой интерес (включавший и одобрение, и критику) вызвал в среде роман Г. Николаевой «Витя в пути», печатание которого в «Октябре» закончилось незадолго до того. У нас еще не успело появиться ни одной рецензии на «Витю в пути», когда пражская газета «Культура» выступила со статьей о романе Г. Николаевой. Очень быстро — едва ли не раньше наших журналов — откликнулись польская и чехословацкая печать и на роман Д. Гранина «После свадьбы».

Повесть А. Кузнецова «Продолжение легенды» осенью 1958 года была напечатана на чешском языке в журнале «Светлая литература», затем вышла отдельной книжкой и привлекла живейшее

внимание чехословацкой молодежи. Недавно в ходе дискуссии о романе на страницах «Летр француз» Эльза Трляе сослалась на «Продолжение легенды», как на пример произведения, пробуждающего активное отношение к жизни.

Все сказанное отнюдь не означает, что названные произведения Г. Николаевой, Д. Гранина, А. Кузнецова во всем безупречны и бесспорны. Но уже первые иностранные отклики на эти книги дали возможность судить о том, как они важны и полезны для читателей прогрессивного, демократического лагеря. Полезны прежде всего потому, что в них отражены важные стороны жизни советского общества, те благотворные сдвиги, которые произошли со времени XX съезда КПСС: полезны и потому, что в этих книгах нашли выражение такие черты советской литературы, как чувство нового, тесная внутренняя связь с жизнью народа, умение инициативно, по горячим следам событий вторгаться в эту жизнь.

Думается, что если бы каждый наш писатель всегда крепко помнил о той международной ответственности, которая на нем лежит; помнил о том, как могут помочь его удачные, партийные по духу книги народам, строящим социализм, и всем честным людям за рубежом; помнил бы и о том, как могут быть использованы враждебными нам силами даже невольные его ошибки и просчеты, — то это служило бы многим советским литераторам добавочным стимулом к тому, чтобы создавать о нашей современности хорошие, идейно целеструенные произведения, свободные и от украшательства, сентиментальной лакировки, и от бесперспективной критикизма.

НАШИ ДНИ, когда международные контакты советской литературы расширяются и будут расширяться, труд тех, кто изучает и популяризирует в СССР иностранную литературу, приобретает большую политическую важность. И в наши дни, и в съезде писателей РСФСР высказывались требования, чтобы критика чаще, глубже, острее выступала против зарубежных идейных противников, и в особенности против зарубежного ревизионизма. Совершенно законное требование! Нашими критиками сделано в этой области далеко не все, что нужно. Однако нельзя вовсе перекрывать и сводить к нулю то, что уже сделано.

(Окончание на 4-й стр.)

бе человека и уважением к его труду, как бы ни малы были его масштабы. В каждом рассказе Гарновского ощущаешь его любовь к родной природе и особенно к народу. Автор отлично владеет словом, ему не приходится в поисках образного слова или выражения обращаться к толковому словарю, ибо живет он в самой гуще народной жизни и пишет о том, что видит и знает.

Наиболее сильные разделы книги — «Люди Белозерья» и «Из лесного блокнота». Несколько слабее иронические рассказы в разделе «Веселые послескрипты», напоминающие «Шутливые рассказы» Вяч. Шинникова, но и они в меру в книге о Белозерье.

«Живая вода всегда свой путь найдет», — говорит герой одного из рассказов Гарновского. Найдя свой путь к читателю и поэтической книге о Белозерье.

«Искренность, лиризм, изящество...» — уже только названия стихотворений поэта говорят о богатстве тем, волнующих его. В целом ряде произведений выразительно проявляется личностное дарование писателя, тонкое чувство и воспринимательное окружающий мир. Мне хочется привести здесь небольшое стихотворение, привлекающее своей чистой и непосредственностью, — «Охотники слышат душечку»:

Как прекрасны яркие цветы, Что цветут под северной горой! Но с любимой душечкой мой Им ведь не сравнится красотой... Как олень прекрасен молодой! Он прекрасней всех других зверей, — Но с любимой душечкой мой Разве он сравнится красотой? Простота, безыскусность народной песенной формы, неподдельный лиризм и изящество — отличительные черты лучших стихотворных произведений Ц. Дамдинсурана. Говоря о его поэзии, надо особо подчеркнуть, что ей свойственна интернациональная тема, тема дружбы и братства народов, к которой постоянно обращается писатель, используя старинный жанр народной поэзии — «эро».

Очень необычна проза Ц. Дамдинсурана. Перелестивость его книги, узнаешь о многом в жизни монгольского народа, о прошлом и настоящем, о радостях и печалях. Краткие повествования, жанр которых трудно определить, это и рассказы, и притчи, и сказки, — подкупают искренностью изложения, эмоциональностью интонации писателя, вдумчиво и глубоко изучающего жизнь своего народа. «Искренность» Ц. Дамдинсурана — небольшая книжка, но в ней заключены большие мысли и чувства нашего современника, талантливого писателя новой Монголии.

Берды КЕРБАБАЕВ

Сэр Уинстон едет в Вашингтон

СЭРУ Уинстону Черчиллю в этом году исполняется 85 лет. Впервые он был избран в парламент 59 лет тому назад. Он сам пишет в своей книге «Мысли и приключения», что в один из живших государственных деятелей Англии не может соперничать с ним по числу проведенных избирательных битв. Сэр Уинстон и сейчас готовится к избирательным боям, он заявил на днях, что намерен выставить свою кандидатуру на предстоящих парламентских выборах. Короче говоря, несмотря на свой преклонный возраст, Черчилль не хочет уходить из политической жизни. И хоть он больше не премьер-министр, но лидер консервативной партии, все же не следует преуменьшать его роли в формировании и даже осуществлении английской политики.

В начале мая Уинстон Черчилль направляется с частным визитом в Вашингтон. Если верить Уилфреду Райдеру, обозревателю газеты «Пипл», то цель поездки состоит в том, чтобы убедить президента Эйзенхауэра в необходимости предпринять «новую попытку положить конец холодной войне». (Слово «война» здесь явно излишне, пусть оно останется на совести обозревателя. — Я. В.). По словам Райдера, Черчилль решил убедить Эйзенхауэра в жизненной необходимости компромисса с Советским Союзом.

Обозреватель газеты «Пипл» не придает своему сообщению характера сенсации. Но если бы оно отвечало истине, то оно значительнее любой сенсации. Как? Сэр Уинстон Черчилль, всеми признанный крестный отец «холодной войны», выступает за ее прекращение, отрывается от своего летуца? Но ведь это означает признание банкротства той программы, которую Черчилль тринадцать лет тому назад, в 1946 году, возвестил в Фултоне, той программы, на основе которой была построена политика «позиции силы» во всех ее видах и проявлениях.

Фултонская программа потерпела крах в главной своей цели. И самое наглядное, самое убедительное тому доказательство — рост могущества и укрепление международного авторитета Советского Союза, бурное развитие других социалистических государств, самый факт существования мировой социалистической системы, противостоящей системе капитализма. Таков провал Фултоне с точки зрения общих интересов империалистов.

Но фултонская программа не оправдала и надежд Черчилля, как верного рыцаря британского империализма, надежда на то, что эта программа приведет к установлению англо-американского мирового господства, к укреплению в самом западном лагере резко помпезных позиций Великобритания. Правящие круги США взяли на вооружение фултонскую программу Черчилля, но исполняли ее по-своему, приспособили ее к своим интересам, подчас вопреки интересам Лондона. Фултонская программа принесла Англии все нарастающую зависимость от Вашингтона, непомерное бремя гонимых вооружений. Она не только не дала ей равного партнерства с США, но еще и подорвала позиции Англии в Западной Европе.

Английская печать бьет сейчас тревогу по поводу обнаружившейся в связи с подписанием конвенции министров иностранных дел известной изоляции Англии среди западных держав. Кстати сказать, эта изоляция — одна из главных причин, побуждающих Черчилля предпринять путешествие через океан. В Западной Европе Англия имеет против себя ось Бонн — Париж, опирающуюся на поддержку так называемой «Малой Европы» и пользующуюся могущественной поддержкой Вашингтона. По английским интересам бьют «Европейское объединение угля и стали», «общий рынок» и другие аналогичные институты «Малой Европы».

Но ведь ось Бонн — Париж — прямой продукт фултонской программы.

Я. ВИКТОРОВ

как и возрождение германского милитаризма в Западной Германии. Черчилль, посетивший осенью 1946 года Фюрхский университет и выступивший там с речью, призывал к созданию «своего рода Соединенных Штатов Европы или хотя бы чего-то на них похожего». Он говорил тогда: «Теперь я скажу нечто такое, что удивит вас. Первым шагом в деле восстановления европейской семьи должно быть партнерство между Францией и Германией». Что же? Ось Бонн — Париж налицо. Сомнительно, однако, чтобы это «франко-германское партнерство» могло породить героя Фултоне.

КАК ЖЕ относится сам Черчилль к краху той политики, которую он провозгласил в Фултоне? И стал ли он действительно противником «холодной войны»? О нынешней позиции Черчилля в какой-то мере можно судить по речи, произнесенной им 20 апреля в его избирательном округе, в Вулфоре. Двойственное, противоречивое впечатление производит эта речь. Черчилль действительно старается не говорить языком «холодной войны» и в то же время не может удержаться от антикоммунистической демагогии. То кажется, что Черчилль поднимал свои взгляды зарануе, то вдруг оказывается, что он вновь пытается «исправлять» историю, как уже пытался (вскаки раз неудачно) в прошлом не раз.

Черчиллю безусловно можно верить, когда он бьет тревогу по поводу перспектив английской торговли. Однако и Советский Союз, и другие социалистические государства никак не повинны в том, что Англия терпит свою способность продавать товары на мировых рынках. Черчилль это прекрасно понимает. Во имя развития английской торговли он готов выступить против «холодной войны», за мирное сосуществование. Он говорит: «Если мы сумеем ослабить напряженность и устранить наши грустности, мы добьемся существования в условиях конкуренции».

Дальше мы найдем в речи еще более обидные слова о том, что и Россия, и Англия могут многое выиграть и ничего не потеряют от мира. Такое заявление можно было бы приветствовать, напоминая при этом, что советская сторона давно и не раз указывала на это.

Черчилль — весь благодушие. Он готов все забыть, а особенно свои собственные грехи. Он заявляет: «Во мы поистине хотим забыть все старые счеты». Однако попутно сэр Уинстон пускает в ход и старый, затасканный вымысел о так называемой «коммунистической экспансии», которой он, вопреки фактам, вопреки логике исторического развития, хочет объяснить появление новых социалистических государств.

И вот уж истинно: если Юпитер захочет наказать, то он, если и не отнимет совсем разум, то лишит англичанника чувства юмора. Ведь Черчилль без улыбки, на полном серьезе рассуждает о «реальной скромности» британского империализма, который после войны не только не расширил свои границы, а даже значительно сократил свои владения. Вынужденную историческую необходимость признать с победой национально-освободительного движения Черчилль, тот самый Черчилль, который в свое время резко возражал против купей болдуновской конституции для Индии, пытается изобразить как «добродетель» британского империализма. Странно только, почему эта «добродетель» не находит своего применения в Омане, Кувейте и многих других местах.

Черчилль не случайно вытаскил из архива всю антисоветскую дребедень. Он решил воспользоваться ею, чтобы выйти из трудного положения, в которое его поставило замечание Н. С. Хрущева в его лейпцигской речи о том, что Чер-

чилль является автором «холодной войны». Сэр Уинстон потому и развел антисоветскую демагогию, что на замечание Н. С. Хрущева не нашел другого ответа, кроме признания, что действительно, в Фултоне он несет ответственность, и уже поистине потрясающее заявление: «Но если не считать этого, моя совесть чиста».

Как спиходителен к себе, как великодушен сэр Уинстон. «Если не считать этого»... А «это» — ни много, ни мало, как 13 лет «холодной войны», бешеной гонки вооружений, лихорадочного строительства военных баз, направленных против СССР. «Если не считать этого!» Пусть вспомнит сэр Уинстон, как хотелось ему использовать политику «позиции силы» для грубого давления на СССР. Он сам же пишет в послесловии к своим мемуарам, что в период, когда США еще были обладателями атомной монополии, он мечтал устроить воздушную демонстрацию над главными городами СССР с тем, чтобы принудить его к возможности атомной бомбардировки. В том же послесловии Черчилль скромно признается, что «линия смысла этой идеи» не что иное, как «производство русских этого оружия и замечательный прогресс их авиации».

Можно понять Черчилля, когда он заявляет о своей готовности «забыть все старые счеты». Не худо бы забыть и Фултоне. Да, очень многое должно быть забыто, чтобы можно было поверить словам сэра Уинстона, содержащимся в его вудфордской речи: «Я стремился и всегда стремился только к миру с русскими». Черчилль сам признает сейчас, что надо считать оправданными многие опасения Советского Союза, в частности, связанные с возрождением германского милитаризма, с перевооружением Западной Германии. Но, увы, в его речи нет ни слова о мировом договоре с Германией. Черчилль говорит лишь о своих надеждах на воссоединение Германии. Нетрудно догадаться, на каких условиях мыслится это воссоединение, если он при этом заявляет: «Западная Германия — наш союзник в НАТО. Мы не можем покинуть ее». Не можем мы покинуть и население Берлина».

ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ Черчилль не в ладу с историей. Если о нем и в некоторых людях говорят, что они рано родились, что они опередили свой век, то о Черчилле, этом неуемном и верном рыцаре британского империализма, можно сказать, что он опоздал родиться. Вся жизнь он мечтал о возрождении и расцвете британского империализма, а вынужден был присутствовать при его закате. Поэтому так много неудач в политической карьере Черчилля, все они проистекали от непонимания исторического процесса, от желания повернуть историю вспять.

Может показаться парадоксом, но дни своей славы Черчилль пережил лишь в период тесного сотрудничества Англии с Советским Союзом, в общей борьбе против гитлеровской Германии.

История, события повседневной жизни преподнесла и преподнесет Черчиллю и тем, кто с ним, жестокие уроки. Неумолимый ход событий толкает на путь здравого понимания новой обстановки, сложившейся в мире, диктует трезвую оценку нового соотношения сил на мировой арене.

В вудфордской речи Черчилля, несмотря на все ее изъяны и присутствующие в ней оговорки, звучат ноты здравого смысла и трезвого понимания вещей. Остается пожелать, чтобы здравый смысл одержал верх в политике Англии и других западных держав. Только в этом случае будет оправдана посылка престарелого джентльмена в Вашингтон.

Черчилль много раз в своей жизни пытался «исправить» историю. Пусть на этот раз он попытается исправить в какой-то мере зло, причиненное делу мира, интересам человечества фултонской программой. Тогда будет легче забыть старые счеты.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ СЪЕЗД СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ЧЕРЕЗ месяц с небольшим — в начале июня — в Праге состоится Съезд социалистической культуры. Редакция «Литературной газеты» обратилась с несколькими вопросами к Ладиславу Штоллу, председателю Подготовительного комитета по проведению Съезда социалистической культуры. Л. Штолл рассказал.

Необходимость созыва Съезда социалистической культуры подсказывается всем ходом экономического и культурного развития Чехии и Словакии. После XI съезда Коммунистической партии Чехословакии в нашей культурной жизни произошло много значительных событий. Состоялся съезд Союза композиторов, конференция Союза писателей, съезд архитекторов, предостан асереспубликанская конференция, посвященная народному творчеству. В Банской Быстрице состоялась асереспубликанская конференция работников кинематографии; подготавливаются и другие встречи деятелей искусства, творческих работников.

Наша культура переживает сейчас период большого подъема, могучим стимулом которого послужил XI съезд КПСС. В этой атмосфере разворачивается подготовка к Съезду социалистической культуры. Одно только изменение названия (одиннадцатый лет назад у нас состоялся Съезд национальной культуры) показывает, что речь идет о новом этапе развития. Речь идет о социалистической культуре, которая должна помочь нашей стране завершить процесс построения социализма в образе жизни людей и в их сознании.

В нынешнем, 1959 году разворачивается новое наступление на фронте завершения строительства социализма. Мы начинаем развитие социалистической культуры как намеренно ускоренный нами революционный процесс. И чем дальше, тем все становится огромным значение этого процесса для укрепления социалистических отношений, великая роль культуры, как огромной силы, вдохновляющей построение коммунизма. Задача заключается в том, чтобы наша культура занимала четкие идейные позиции.

Съезд социалистической культуры заинтересует не только деятелей культурного фронта. Одна из отличительных его особенностей — участие в нем наряду с поэтами, актерами, художниками, музыкантами рабочих заводов, целых делегаций трудящихся.

Сейчас бригады деятелей культуры разбегаются по всей стране, по всем ее краям и областям, посещают заводы, фабрики, сельскохозяйственные кооперативы, пограничные районы. На массовых собраниях артисты, писатели, музыканты и художники будут беседовать с многими тысячами трудящихся.

Мы хотим установления подлинной близости между нашими творческими работниками и народом, близости, которая всегда положила конец отрыву деятелей искусств от жизни и открыл невиданные возможности для расцвета их творчества.

Рис. А. Ординарцева

Команда поджигателей... Фотоомонтаж А. ЖИТОМИРСКОГО

КНИЖКА. ПОЛКА ЗАРУБЕЖНЫХ НОВИНОК НЕ ЛЕЧАТ УКОЛАМИ

НОВЫЙ роман Эльзы Триоле «Розы в кредит» вызвал оживленную дискуссию во французской прессе. Роман — первое произведение в цикле, озаглавленном писательницей «Век нейлона».

Задача автора — раскрыть мысли, чувства, переживания простых, самых обыкновенных людей XX века, раскрыть то, что связывает их с далеким прошлым, то, что позволяет чуть приподнять завесу мира будущего.

Советский читатель хорошо знает Эльзу Триоле как автора многих социально-политических романов и повестей. В ее книгах возникает перед нами целая галерея героических женщин борющейся Франции.

Жюльетта Ноль из «Авиньонских любовников» — обыкновенная французская девушка, совершавшая незаметные подвиги в буднях французского Сопротивления. Луиза Дельфор — журналистка, героиня «Тетрадей, зарытых под персиковым деревом», пролившая кровь в борьбе за символическую «Гренаду».

Героиня нового романа Эльзы Триоле «Розы в кредит» не похожа на своих предшественниц. Новый роман Эльзы Триоле — роман глубоко трагичный. Персонажи романа действуют в период острых душевных конфликтов. Писательница вскрывает глубокие противоречия, возникающие в сознании и в поступках людей в наши дни, в «век нейлона», в середине XX столетия.

В центре романа — судьба маленькой Мартины, дочери женщины легкого поведения, Мартины, с детства познавшей обиды, унижения и нищету. Хитрина на отлете от деревни. Постоянные «гости» у матери. Грязь. Драки с сестрами и братьями. Крысы, не боющиеся даже дневного света.

Однако и в этой тусклой и грязной жизни маленькая Мартина сохраняет свою красоту и обаяние. Elsa Triolet. «Roses à crédit». Gallimard. Paris, 1959.

Девушка с юных лет полюбила молодого Даниэля Доннеля, сына селекционера роз, юного ученого-ботаника, мечтающего создать новый сорт, в котором бы сочетался аромат старинных роз с сегодняшней их формой и расцветкой.

...Проходит годы. Привыкшая к Мардине парикмахерша мадам Донзер увозит ее в Париж. Из нищеты отвратительной хитрины — к блеску парижских улиц. Мартина — манюшка в институте красоты. Неожиданная романтическая встреча с Даниэлем, обаяющим в Версале. Кажется, что счастье опять улыбнулось Мардине. Любовь. Брак.

Но тут-то и начинаются противоречия «вска нейлона». Мир Мартины узок. Ей не понятны и чужды научные интересы и мечты Даниэля. Не хватало денег на «комфорт». Значит, надо покупать в кредит.

Незасытная жажда приобретательства охватывает героиню книги. И эта страсть к комфорту вступает в конфликт с любовью. Даниэлю по душе мещанские вкусы жены. Он целиком в мире своих научных открытий, в мире новых роз, которые не даются в кредит. Он разочаровывается в своей маленькой Мардине. Назревает разрыв.

Роман кончается трагически, Мартина, разочарованная, разбитая, одинокая, больная, узнав о смерти матери, едет по вызову нотариуса на родину, в деревню. Там, в старой материнской хитрине, она случайно попадает в объятия последнего любовника ее матери. Там она засыпает в хитрине и гибнет, съеденная крысами... А в скором времени в мире роз появляется новая роза «Мартина Доннеля», сочетающая аромат старинных роз с формой и цветом современных...

Конеч романа кажется несколько натуралистическим, он как бы набран другим шрифтом, «жирным курсивом», и это вызывает возражение. Однако не в этом главное в интересном романе Эльзы Триоле.

Сейчас многие французские литераторы, создавая теорию «умирания романа», возрождают далеко не новые теории, отрицающие всякие традиции, отвергающие классическое наследие, зачерчивающие современное значение Вальзака и Стендаля. Подобные теории чужды Эльзе Триоле. И если говорить о традициях, то больше близки ей, мы бы назвали Чехова. Не случайно в своей книге о Чехове, вышедшей несколько лет тому назад, Эльза Триоле с таким сочувствием отмечала, как на протяжении своей недолгой, но такой полноценной творческой жизни боролся А. П. Чехов против лжи, против мелких чувств, рожденных буржуазным миром, против фальши и пошлости мещанства, за большую правду действительности и искусства, за реализм.

Борьба за счастье человека стоит в центре внимания писательницы. Борьба сложная и долгая. Ведь несчастье — это «болезнь, которую нельзя излечить медицинскими уколами».

Александр ИСБАХ

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на «Наш современник» Литературно-художественный альманах РСФСР «НАШ СОВРЕМЕНИК» дает новинки современной прозы; публикует острые полемические выступления по актуальным вопросам науки и техники; проводит дискуссии; сообщает о новостях местной жизни; дает критические обзоры литературы, искусства, науки и спорта; ведет переписку с читателями; публикует заграничные путевые впечатления и впечатления от поездок по стране; предлагает вниманию читателей интересные образцы современной прикладной литературы и научно-фантастической литературы. «НАШ СОВРЕМЕНИК» выходит шесть раз в год. Цена каждой книги 6 руб. в переплете, 5 руб. — в мягкой обложке. Подписная цена на полугодие — 15 руб.

Интернациональный кругозор писателя

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

П. Грибачев сказал в своей речи на съезде писателей РСФСР: «...огромной силой и дальновидностью оружие, вложенное в руки нашей критики историей, лежит без движения, ржавеет. А в Америке, в Южной Америке, в Австралии, где мы вместе с товарищами приходилось вести беседы на литературные темы, даже сочувствующие нам люди удивлялись, не понимают нашей критики, ее сладкой дремы под огнем ваяла, расценивают ее молчание как беспомощность».

Понимаю, что литераторы Южной Америки или Австралии, даже сочувствующие нам, не всегда имеют возможность следить за советскими журналами и плохо осведомлены о деятельности советской критики. Но стоит ли безогорочно солидаризироваться с этими осведомленными людьми?

Достаточно перечитать комплекты наших литературных журналов за последние годы, чтобы убедиться, что статей, направленных против вражеской идеологии и, в частности, против ревизионизма, появилось совсем не так мало. Из полемических статей, написанных критиками, работающими в области зарубежной литературы, за сравнительно короткий срок можно было бы составить объемистый том.

зало бы, спокойно по тону, а противника бьет беспощадно. Опыт показывает, что именно такие, продуманные и серьезные, полемические выступления советских критиков вызывают отклики за рубежом и встречают сочувственный прием у наших читателей. Статьи Ю. Борева «Против ревизионизма в эстетической теории», направленной против ренегата А. Лефевра, была перепечатана в нескольких зарубежных изданиях. Значит, она попала и в цель. Уданы появившиеся недавно полемические статьи И. Шкунаевой «Реакция под маской морали» и Д. Затонского «Смерть и рождение Франца Кафки».

БОРЬБА с идейными противниками — важный, но далеко не единственный аспект деятельности нашей критики, занимающейся зарубежной литературой. Поддерживать друзей — не менее важно, чем отражать атаки врагов. У нас еще далеко не достаточно изучен опыт наших зарубежных соратников и единомышленников, внесших самостоятельный творческий вклад в искусство социалистического реализма.

Приведу хотя бы один пример. Недавно скончался большой человек, замечательный художник Иоганнес Бехер. Вся его деятельность неразрывно связана с историей становления социалистического реализма в литературе Западной Европы. Изучение творчества Бехера может быть очень плодотворным для познания закономерностей развития этого метода. Но пока нет ни одной серьезной критической работы, монографии, посвященной этому крупному художнику-борцу. В сущности, мы еще плохо знаем даже наиболее близких нам людей в современной литературе Запала! Очень верно сказано у К. Федина в его книге «Писатели, искусство, время»:

«...для полноты суждения о новой европейской интеллигенции принесла бы большую пользу история прогрессивной европейской литературы прошедшей половины XIX века. Все больше нужны исследования, книги о писателях, имеющих революционное значение в развитии своей родной литературы и в литературе мировой».

Есть одна область современной зарубежной литературы, представляющая особую сложность для критика и исследователя. Это — творчество тех писателей, которых можно (иногда с известными оговорками) назвать критическими реалистами XIX века. В своих произведениях они дают во многом правдивые, весьма неприглядные картины буржуазного общества, критикуют это общество, но не могут сделать выводов из своей критики или делают неверные выводы.

Хочется сослаться на Ф. Панферова, с заключительной частью его статьи «Что такое современность?» («Октябрь», 1958, № 11). Ф. Панферов правильно возражает против упрощенческого взгляда, согласно которому «идейность и форма произведения идентичны, увязаны вроде веревки, скрученной в восьмерку». Он утверждает, что советский писатель может в области формы учиться не только у классиков, у Горького, но и у современных литераторов Запала. «Я, например, не согласен с идейностью «Вольного стага» Жана Жюно или «На западе без перемен» Ремарка, но форма я у них у всех, как у нас и у Хемингуэя... Кто это придумал: раз, дескать, роман по идейности не роствен тебе, отбрасывай его прочь? Почему? А если роман басетный по форме? Так почему же не поучиться у него форме?»

Тут необходимы уточнения. Спор не о том, чтобы отбрасывать форму и солжачие, но механически разрывать их тоже вряд ли следует. Если иностранный писатель далек от нас по своим взглядам, если мы сдержанно его произведений принимаем далеко не во всем, то мы и форму его произведения должны принимать не целиком, а с разбором. Верно, что Эрнест Хемингуэй — большой мастер художественной формы.

Читать его книги очень поучительно для литератора, это чтение может быть полезным противником против многолюдия и ложной напыщенности. Но не все в стиле Хемингуэя одинаково приемлемо для нас. Хемингуэй виртуозно, по-своему диалектически строит диалог, основанный на новаторах и недомолвах. Этот диалог выражает внутреннюю скомканность, растерянность, взаимное непонимание людей, потерявших компас и выбитых из колеи жестокой действительностью. Наши советские люди не таковы, и разговоривать, конечно, по-другому. Внутренний мир Навза Корчагина или Любы Шевцовой не может быть передан теми художественными средствами, какими передается внутренний мир рыбак из повести «Старик и море».

С другой стороны, если произведение иностранного писателя совершенно неприемлемо для нас по идейному содержанию, — то это произведение, как правило, и в области формы ничего полезного не может дать. А книги таких художников, как Ремарк, Хемингуэй, Колдуэл или Моравиа, во многом итересны и ценны для нас своей критикой буржуазного общества, своим протестом против войны, фашизма, расового изуверства, своей защитой угнетенных и обездоленных. Мы расходимся с этими писателями в выводах, чувствуем бедность и шаткость их положительных исцелов. Но мы можем взять на вооружение все то, что в их произведениях работает против буржуазного строя и современной империалистической реакции.

РОСТ интереса читателей к зарубежной литературе — это важный факт современности, с которым наша писатели не могут не считаться. Чтобы найти путь к сердцу читателей, советский художник слова должен быть не менее литературно образован, чем они.

Читатель, знакомый с изображением фашистской Германии в романах Фаллады, Келлермана, Ремарка, Бредела, Зегера, вряд ли может поверить в достоверность тех картин германской действительности, которые даны в некоторых приключенче-

ских книгах, например в романе Ю. Доль-Михайлика «И один в поле воин». Роман этот написан увлекательно, но гитлеровцы изображены в нем легковесными лгунами, которых юный советский разведчик с легкостью необыкновенной обводит вокруг пальца. Книги немецких писателей-реалистов помогают нам понять, что германский фашизм — явление несравненно менее простое и более опасное.

В современной литературе за рубежом происходят сложные процессы размежевания, поисков, острых идейных столкновений. Одни литературные деятели подпадают ядовитому воздействию буржуазного распада, другие, связав свои судьбы с борющимся народом, ищут новых художественных средств, чтобы заронить в души читателей искры революционных идей, третьи, наконец, проводят годы в мучительных исканиях правды, и то пробиваются к этой правде, то отступают от нее... Советскому писателю не может быть безразлично то, что делается в литературе мира, как не безразлично это и миллионам советских читателей.

Слова М. Шолохова о «круглом столе», который должен объединить честных писателей всех стран, сказанные несколько лет назад, обогнали мировую печать и вызвали множество откликов. Эти слова и сегодня не потеряли своей актуальности. Чем шире интернациональный кругозор советского литератора, тем более активно может он воздействовать на сознание своих соратников за рубежом и помогать международному общению передовых литературных сил мира. Чем шире интернациональный кругозор советского литератора, тем больше у него возможности создавать книги, которые будут читаться и любимы нашим народом.